

ФАУСТ. ТРАГЕДИЯ ЛЕГЕНДА О ДОКТОРЕ ФАУСТЕ (историческая справка)

Подобно многим классическим произведениям, «Фауст» зародился в народном творчестве. Прототипом народного Фауста явился живой, конкретный, исторически действительно существовавший в первой половине XVI века маг и чернокнижник по имени Фауст — прообраз целой плеяды литературных Фаустов.

История развития образа Фауста могла бы послужить интереснейшей и поучительной иллюстрацией к истории развития человеческой культуры и человеческого общества.

Впервые легенда о Фаусте возникла в конце XV — начале XVI века, на переломе от средневековья к новому времени. Народная легенда рисует Фауста то волшебником, то поэтом и гуманистом.

В 1587 г. во Франкфурте-на-Майне вышла первая литературная редакция легенды о Фаусте, изданная Иоганном

Шписом. Самое заглавие книги, звучащее в настоящее время более чем юмористично, в ту пору заключало в себе суровую религиозно-морализирующую сентенцию: «История о докторе Иоганне Фаусте, всемирно известном колдуне и чернокнижнике, как он заключил на определенный срок с дьяволом условие, какие были с ним за это время редкостные приключения, пока он наконец не воспринял заслуженного им возмездия. Составлена большей частью по его собственным, оставшимся после него сочинениям, в страшное поучение, ужасающий пример и доброжелательное предостережение всем высокомерным, суемудрым и безбожным людям». Религиозный автор обвиняет Фауста в том, что он в гордыне своей «привязал себе орлиные крылья а стремился исследовать и небо и землю — все до основания». В повествовании Шписа Мефистофель по истечении договора, скрепленного кровью, безжалостно уничтожает Фауста.

Последующие немецкие литературные варианты легенды о Фаусте XV — XVII веков не поднимаются над уровнем «Фауста» Шписа.

Иную интерпретацию легенды дал видный драматург английского Возрождения XVI века, современник В.Шекспира — Кристофер Марло. Смелый и страстный вольнодумец, достойный представитель Ренессанса, Марло в своей трагедии «Жизнь и смерть доктора Фауста» создал титанический образ Фауста-богоборца, обратившегося к магии и стремившегося раскрепостить личность от косных законов мироздания.

В XVIII веке, накануне французской революции 1789 г., образ Фауста, ученого-протестанта, становится особенно популярным. Крупнейший из немецких просветителей — Лессинг в своих набросках драмы «Фауст» с явной симпатией рисует ученого, одержимого всепожирающей жадой знания. И показательно, что уже в лессинговском варианте «Фауста» попытка сатаны погубить Фауста заранее обрекается на неудачу.

Представители движения «Буря и натиск» (Германия), с их культом бурного гения, не признающего над собой никаких законов, не могли не увлечься заманчивой фигурой Фауста, не останавливающегося в своей борьбе с миропорядком перед союзом с дьяволом. На протяжении одного-двух десятков лет драматурги «Бури и натиска» один за другим создают новые варианты «Фауста». В 1778 г. появляется «Жизнь Фауста» Фридриха Мюллера. В 1791 г. возникает замечательный «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад» Клингера. Клингер отождествляет Фауста с одним из первых мастеров книгопечатания в XV веке, типографом Фаустом. Герой Клингера — гений, рвущийся к познанию, счастью и свободе. Книгопечатание вызывает лишь ликование сатаны, видящего в этом изобретении лишний повод к насаждению лжеучений и усилению вражды среди людей. Договор Фауста с дьяволом приводит к тому, что Фауст, познакомившись с ужасающими порядками в разных странах, приходит к мысли о порочности человеческой натуры и в отчаянии сам предает себя власти сатаны.

В начале 70-х годов XVIII века к написанию «Фауста» приступает и Иоганн Вольфганг Гете. Гёте еще в детстве в кукольных театрах узнал народного «Фауста». Вступив в движение «Буря и натиск», Гёте увлекся титаническим образом Фауста и в 1774—1775 гг. создал свой первый вариант «Фауста», так называемый «Прафауст». В соответствии с общим духом «Бури и натиска» Фауст «Прафауста» — бунтарь, рвущийся к познанию тайн природы, но неизбежно обреченный на поражение. Только в окончательной редакции «Фауста» Гёте возник образ Фауста побеждающего.

«Фауст» — вдохновенный гимн человеческому дерзанию, человеческой мудрости. Любовь к человечеству, стремление к познанию и желание помочь людям движут героем трагедии. Назвать философскую поэму Гёте трагедией можно с полным правом не только потому, что она написана в драматической форме, но в первую очередь потому, что путь человека к истине, к идеалу всегда сопряжен с трагическими ошибками, безысходными утратами, с отказом от: милых, успокоительных иллюзий. Первая часть трагедии и является рассказом о чувственных искушениях, которым поддается Фауст, рассказом о его

заблуждениях и страшной цене, которой приходится за них расплачиваться. Трагическая гибель Маргариты убеждает Фауста в том, что смысл жизни заключается не в удовлетворении личных желаний, а в служении людям, в осознании человеком своей ответственности за других.

Во второй части поэмы Фауст практически претворяет в жизнь эту с таким трудом завоеванную им мудрость: он задумывает и начинает осуществлять грандиозный план — отвоевать у моря земли, чтобы они могли послужить людям. Мгновение, когда дряхлому, ослепшему Фаусту открывается все величие его замысла, подлинно прекрасно:

Вот мысль, которой весь я предан.

Итог всего, что ум скопил.

Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,

Жизнь и свободу заслужил.

Это, может быть, самая емкая в мировой литературе поэтическая формула того исторического прогресса, которого — считали просветители — способен достигнуть человек, научившись властвовать над разрушительными стихиями природы и управлять собственными страстями.

Согласно договору между Господом и Мефистофелем, Фауст должен был попасть в ад. Однако ангелы возносят душу Фауста в рай.

ИЗ ЧАСТИ I. ПРОЛОГ НА НЕБЕ (1)

Господь, небесное воинство, потом Мефистофель, Три архангела (2).

Рафаил: В пространстве, хором сфер объят, Свой голос солнце подает,

Свершая с громовым раскатом Предписанный круговорот.

Дивятся ангелы господни, Окинув взором весь предел.

Как в первый день, так и сегодня Безмерна слава божьих дел.

Гавриил: И с непонятной быстротою Внизу вращается Земля,

На ночь со страшной темнотою И светлый полдень круг деля.

И море пеной волн одето, И в камни пеной бьет прибой,

И камни с морем мчит планета По кругу вечно за собой.

Михаил: И бури, все попутно руша, И все обломками покрыв,

То в вольном море, то на суше безумствуют наперерыв.

И молния сбегает змеем, И дали застилает дым.

Но мы, господь, благоговеем пред дивным промыслом твоим.

Все втроем: Мы, ангелы твои господни, Окинув взором весь предел,

Поем, как в первый день, сегодня Хвалу величию божьих дел.

Мефистофель: К тебе попал я, боже, на прием, чтоб доложить о нашем положении.

Вот почему я в обществе твоём и всех, кто состоит тут в услуженье.

Но если б я произносил тирады, как ангелов высокопарный лик,

Тебя бы насмешил я до упаду, когда бы ты смеяться не отвык.

Я о планетах говорить стесняюсь, я расскажу, как люди бьются, маясь.

Божок вселенной, человек таков, каким и был он испокон веков.

Он лучше б жил чуть-чуть, не озари его ты божьей искрой изнутри.

Он эту искру разумом зовет и с этой искрой скот скотом живет.

Прошу простить, но по своим приемам он кажется каким-то насекомым.

Полулетя, полускача, он свиристит, как саранча.

О, если б он сидел в траве покоса и во все дразги не совал бы носа!

Господь: И это все? Опять ты за свое? Лишь жалобы да вечное нытье? Так на земле все для тебя не так?

Мефистофель: Да, господи, там беспросветный мрак,

И человеку бедному так худо, что даже я шажу его покуда.

Господь: Ты знаешь Фауста?

Мефистофель: Он доктор?

Господь: Он мой раб.

Мефистофель: Да, странно этот эскулап

Справляет вам повинность божью,

И чем он сыт, никто не знает тоже.

Он рвется в бой, и любит брать преграды,

И видит цель, манящую вдали,

И требует у неба звезд в награду

И лучших наслаждений у земли,

И век ему с душой не будет сладу,

К чему бы поиски ни привели.

Господь: Он служит мне, и это налицо, И выбьется из мрака мне в угоду.

Когда садовник сажает деревцо, Плод наперед известен садоводу,

Мефистофель: Поспоримте! Увидите воочью,
У вас я сумасброда отобью,
Немного взявши в выучку свою.

Но дайте мне на это полномочья.

Господь: Они тебе даны. Ты можешь гнать,

Пока он жив, его по всем уступам. Кто ищет — вынужден блуждать.

Мефистофель: Пристрастья не питая к трупам, Спасибо должен вам сказать.

Мне ближе жизненные соки, Румянец, розовые щеки.

Котам нужна живая мышь, Их мертвою не соблазнишь.

Господь: Он отдан под твою опеку! И, если можешь, низведи

В такую бездну человека, Чтоб он тащился позади.

Ты проиграл наверняка. Чутьем, по собственной охоте он вырвется из тупика.

Мефистофель: Поспорим. Вот моя рука,

И скоро будем мы в расчете.

Вы торжество мое поймете,

Когда он, ползая в помете,

Жрать будет прах от башмака,

Как пресмыкается века Змея, моя родная тетя.

Господь: Тогда ко мне являйся без стеснения. Таким, как ты, я никогда не враг.

Из духов отрицанья ты всех мене Бывал мне в тягость, плут и весельчак.

Из лени человек впадает в спячку.

Ступай, расшевели его застой,

Вертись пред ним, томи, и беспокой,

И раздражай его своей горячкой. (*Обращаясь к ангелам.*)

Вы ж, дети мудрости и милосердия, Любуйтесь красотой предвечной тверди.

Что борется, страдает и живет, Пусть в вас любовь рождает и участие,

Но эти превращения в свой черед Немеркнувшими мыслями украсьте. *Небо закрывается. Архангелы, расступаются.*

Мефистофель (один): Как речь его спокойна и мягка! Мы ладим, отношений с ним не портя.

Прекрасная черта у старика Так человечно думать и о черте.

У ВОРОТ (3) *Толпы гуляющих направляются за город.*

Несколько подмастерьев Куда такой толпой?

Другие В стрелковый тир лесной.

Первые А мы ватагой к мельничной запруде.

Один из подмастерьев На гать ступайте. Вот где красота.

Второй подмастерье Далекий путь. Неважные места.

Из второй группы А ты куда?

Третий подмастерье Туда, куда и люди.

Четвертый Таких, как возле замка в слободе, Ни девушек, ни пива нет нигде.

И первый сорт задиры и скандалы.

Пятый: Так у тебя опять, у хвастуна, По их побоям чешется спина?

Я этим сыт надолго до отвала.

Служанка Нет, лучше я пойду домой.

Другая служанка Наверно, он за тополями теми.

Первая: А мне в нем интерес какой? Он за тобой таскается все время,

А я, как дура, радуйся на вас, Когда вдвоем пускаетесь вы в пляс.

Вторая: Сегодня, кажется, он не один.

С ним, помнишь, тот кудрявчик господин.

Студент: Гляди, девчонка под руку с девчонкой! А ну-ка за обеими вдогонку!

Да, брат, покрепче пиво и табак Да девочки — на это я мастак.

Девушка-горожанка: Могу сказать, студенты-кавалеры! Я удивляюсь, как не стыдно им.

У барышень хорошие манеры, Они же липнут к горничным простым.

Второй студент (первому): Да не беги ты! Видишь, сзади две, И обе из порядочного дома.

Одна из них с соседями в родстве, И потому мы шапочко знакомы.

Раскланяемся с ними, подойдем И совершим прогулку вчетвером.

Первый студент: Нет, брат, одно стеснение эта знать. Я отдаю служанкам предпочтение.

Та, что в субботу будет подметать, Всех лучше приголубит в воскресенье.

Горожанин: Беда нам с новым бургомистром. Он все решает с видом быстрым,

А пользой нашей пренебрег.

Дела все хуже раз от разу,

И настоятельней приказы,

И непосильнее налог.

Нищий (поет): Вы, судари мои и дамы, Пошли господь вам много лет!

Подайте нищему у храма, Я голоден и не одет!

В день праздничного ликованья Рука дающего легка.

Не откажите в подаенье И пожалейте старика!

Второй горожанин: По праздникам нет лучше развлечения, Чем толки за стаканчиком вина,

Как в Турции далекой, где война, Сражаются друг с другом ополченья.

Подходишь у трактирщика к окну И смотришь — по реке идут баркасы,

И после, дома, отходя ко сну, Благословляешь миролюбье часа.

Третий горожанин: Я тоже так смотрю, сосед. Пусть у других неразбериха,

Передерись хотя весь свет, Да только б дома было тихо.

Старуха (девушкам-горожанкам): Ах, ягодки-красавицы мои!

Глаз не отвесь от вашего наряда.

Зачем чураетесь ворожей?

Я раздобыть сумею, что вам надо.

Первая девушка: Агата, что ты! Постыдись греха!

При встречных заговаривать с колдуньей!

Она мне будущего жениха Недавно показала в новолунье.

Вторая девушка: И мне, в хрустальном шаре. Он солдат,

Средь удалцов, бросающихся в сечу.

С тех пор по сторонам бросаю взгляд,

Но, сколько ни ищу, нигде не встречу.

Солдаты: Рвы, частоколы, Стены, ограды,

Женского пола Гордые взгляды

Перед осадой Не устоят.

Ради награды Бьется солдат.

Перед началом Всякой атаки,

Перед привалом Трубят вояки.

Штурмы с паденьем Женщин и стен,

Вот что мы ценим, Прочее — тлен.

Ради награды Бьется солдат.

Утром уходит Дальше отряд.

Фауст и Вагнер.

Фауст: Растаял лед, шумят потоки, Луга зеленеют под лаской тепла.

Зима, размякнув на припеке, В суровые горы подальше ушла.

Оттуда она крупною мелкой Забрасывает зелена,

Но солнце всю ее побелку Смывает к середине дня.

Все хочет цвести, росток и ветка, Но на цветы весна скупа,

И вместо них своей расцветкой Пестрит воскресная толпа.

Взгляни отсюда вниз с утеса На городишко у откоса.

Смотри, как валит вдаль народ Из старых городских ворот.

Всем хочется вздохнуть свободней, Все рвутся вон из толкотни.

В день воскресения господня Воскресли также и они.

Они восстали из-под гнета Конур, подвалов, верстаков,

Ремесленных оков без счета, Нависших крыш и чердаков,

И высыпали на прогулку Из хмурающейся тьмы церковей,

Из узенького закоулка, И растеклись ручьев живей,

И бросились к речным причалам, И рыщут лодки по реке,

И тяжело грести усталым Гребцам в последнем челноке.

По горке ходят горожане, Они одеты шегольски,

А в отдаленье на поляне В деревне пляшут мужики.

Как человек, я с ними весь: Я вправе быть им только здесь.

Вагнер: Прогулка с вами на свободе Приносит честь и пользу мне.

Но от забав простонародья Держусь я, доктор, в стороне.

К чему б крестьяне ни прибегли, И тотчас драка, шум и гам.

Их скрипки, чехарда, и кегли, И крик невыносимы нам.

Крестьяне (под липой; пляски и пение): Плясать отправился пастух,

Оделся, разрядился в пух,

Цветов в камзол натыкал.

Под липой шла уж кутерьма,

Кружились пары без ума,

Скрипач вовсю пиликал.

Протискиваясь в этот круг,

Столкнулся с девушкой пастух

Румяною и свежей,
И та ему, скользя из рук:
«Пожалуйста, без этих штук! Не надо быть невежей!»
Но, на нее взглянув в упор,
Стал девушку кружить танцор,
И зашумели юбки.
И все нежней за туром тур
Шептался с нею балагур, Не вымолив уступки.
«Как только врат не надоест!
Довольно из-за вас невест
Пропало по ошибке!» Но недотрогу в уголок
Он понемногу уволок
От скрипача и скрипки.
Старик: Мне, доктор, поручил народ Вам благодарность принести.
Вы оказали нам почет, Не погнушавшись к нам прийти.
Ученость ваша у крестьян Прославлена и всем видна.
Вот полный доверху стакан, И сколько капель в нем вина,
Пусть столько же счастливых дней Вам бог прибавит к жизни всей.
Фауст: Желая здоровья вам в ответ В течение столь же многих лет. *Народ обступает их*
Старик: Отрадно вспомнить в светлый день, Как жертвовали вы собой
Для населения деревень В дни черной язвы моровой.
Иного только потому Ужасный миновал конец,
Что нам тогда избыть чуму Помог покойный ваш отец.
Вас не пугал ее очаг, И — юноша еще тогда —
Входили вы к больным в барак И выходили без вреда.
За близость с братиею низшей Хранила вас десница свыше.
Все: Храни вас господи и впредь, Чтоб не давали нам болеть.
Фауст: Вам следует благодарить Того, кто всех учил любить. *(Проходит с Вагнером дальше.)*
Вагнер: Вы можете всем этим быть горды. Как вы любимы деревенским людом!
Большое счастье — пожинать плоды Способностей, не сгинувших под спудом.
Вы появились — шапки вверх летят, Никто не пляшет, пораженный чудом,
Вас пропускают, выстроившись в ряд, Еще немного, — позовут ребят
И станут перед вами на колени, Как пред святыней, чтимой в селенье.
Фауст: Давай дойдем до этой крутизны
И там присядем. Часто я, бывало,
На той скале сидел средь тишины,
Весь от поста худой и отощальный.
Ломая руки, я мольбой горел,
Чтоб бог скорей избавил нас от мора
И положил поветрию предел.
Так уповал и верил я в ту пору!
И для меня насмешкою звучит
Тех тружеников искреннее слово.
От их речей охватывает стыд
И за себя, и за дела отцовы.
Отец мой, нелюдим-оригинал,
Всю жизнь провел в раздумьях о природе.
Он честно голову над ней ломал,
Хотя и по своей чудной методе.
Алхимии тех дней забытый столп,
Он запирался с верными в чулане
И с ними там перегонял из колб
Соединенья всевозможной дряни.
Там звали «лилиею» серебро,
«Львом» — золото, а смесь их — связью в браке.
Полученное на огне добро,
«Царицу»(4), мыли в холодильном баке,
В нем осаждался радужный налет.
Людей лечили этой амальгамой,
Не проверяя, вылечился ль тот,
Кто обращался к нашему бальзаму.
Едва ли кто при этом выживал.
Так мой отец своим мудреным зельем

Со мной средь этих гор и по ущельям
Самой чумы похлеще бушевал.
И каково мне слушать их хваленья,
Когда и я виной их умерщвления,
И сам отраву тысячам давал.

Вагнер: Корить себя решительно вам нечем. Скорей была заслуга ваша в том,
Что вы воспользовались целиком Уменьем, к вам от старших перешедшим.

Для сыновей отцовский опыт свят. Они его всего превыше ставят.
Ваш сын ведь тоже переймет ваш взгляд И после новое к нему прибавит.

Фауст: Блажен, кто вырваться на свет надеется из лжи окружной.

В том, что известно, пользы нет, одно неведомое нужно.

Но полно вечер омрачать своей тоскою беспричинной.

Смотри: закат свою печать накладывает на равнину.

День прожит, солнце с вышины уходит прочь в другие страны.

Зачем мне крылья не даны с ним вровень мчаться неустанно!

На горы в пурпуре лучей заглядывался б я в полете

И на серебряный ручей в вечерней темной позолоте.

Опасный горный перевал не останавливал бы крыльев.

Я море бы пересекал, движенье этих крыл усилив.

Когда б зари вечерний свет грозил погаснуть в океане,

Я б налегал дружнее вслед и нагонял его сиянье.

В соседстве с небом надо мной, с днем впереди и ночью сзади,

Я реял бы над водной гладью. Жаль, нет лишь крыльев за спиной.

Но всем знаком порыв врожденный куда-то ввысь, туда, в зенит,

Когда из синевы бездонной песнь жаворонка зазвенит,

Или когда вверху над бором парит орел, или вдали

Осенним утренним простором к отлету тянут журавли.

Вагнер: И на меня капризы находили,

Но не припомню я таких причуд.

Меня леса и нивы не влекут,

И зависти не будят птичьи крылья.

Моя отрада — мысленный полет

По книгам, со страницы на страницу.

Зимой за чтеньем быстро ночь пройдет.

Тепло по телу весело струится,

А если попадется редкий том,

От радости я на небе седьмом.

Фауст: Ты верен весь одной струне и не задет другим недугом,

Но две души живут во мне, и обе не в ладах друг с другом.

Одна, как страсть любви, пылка и жадно льнет к земле всецело,

Другая вся за облака так и рванулась бы из тела.

О, если бы не в царстве грез, а в самом деле вихрь небесный

Меня куда-нибудь унес в мир новой жизни неизвестной!

О, если б, плащ волшебный взяв, Я б улетал куда угодно!

Мне б царских мантий и держав милей был этот плащ походный.

Вагнер: Не призывайте лучше никогда существ, живущих в воздухе и ветре.

Они распространители вреда, смертей повальных, моровых поветрий.

То демон севера заладит дуть и нас проймет простудою жестокой,

То нам пойдет сушить чахоткой грудь томительное веянье востока,

То с юга из пустыни суховой нас солнечным ударом стукнет в темя,

То запад целой армией дождей повадится нас поливать все время.

Не доверяйте духам темноты, роящимся в ненастной серой дымке,

Какими б ангелами доброты ни притворялись эти невидимки.

Пойдемте, впрочем. На землю легла

Ночная сырость, нависает мгла,

Хорош по вечерам уют домашний!

На что, однако, вы вперили взор и смотрите как вкопанный в упор?

Фауст: Заметил, черный пес бежит по пашне?

Вагнер: Давно заметил. Что же из того?

Фауст: Кто он? Ты в нем не видишь ничего?

Вагнер: Обыкновенный пудель, пес лохматый,

Своих хозяев ищет по следам.

Фауст: Кругами, сокращая их охваты,

Все ближе подбирается он к нам.
И, если я не ошибаюсь, пламя
За ним змеится по земле полян.
Вагнер: Не вижу. Просто пудель перед нами, А этот след — оптический обман.
Фауст: Как он плетет вокруг нас свои извивы! Магический их смысл не так-то прост.
Вагнер: Не замечаю. Просто пес трусливый, чужих завидев, поджигает хвост.
Фауст: Все меньше круг. Он подбегает. Стой!
Вагнер: Вы видите, не призрак — пес простой.
Ворчит, хвостом виляет, лег на брюхо.
Все как у псов, и не похож на духа,
Фауст: Не бойся! Смирно, пес! За мной! Не тронь!
Вагнер: Забавный пудель. И притом — огонь. Живой такой, понятливый и бойкий,
Поноску знает, может делать стойку. Оброните вы что-нибудь — найдет.
За брошенную палкой в пруд нырнет,
Фауст: Да, он не оборотень, дело ясно.
К тому же, видно, вышколен прекрасно.
Вагнер: Серьезному ученому забавно
Иметь собаку с выучкой исправной.
Пес этот, судя по его игре,
Наверно, у студентов был в муштре. Входят в городские ворота.

РАБОЧАЯ КОМНАТА ФАУСТА(5) *Входит Фауст с пуделем.*

Фауст
Оставил я поля и горы, окутанные тьмой ночной,
Открылось внутреннему взору то лучшее, что движет мной.
В душе, смилившей вожделья, свершается переворот.
Она любовью к провиденью, любовью к ближнему живет.
Пудель, уймись и по комнате тесной не бегай!
Полно ворчать и обнюхивать дверь и порог.
Ну-ка — за печку и располагайся к ночлегу.
Право, приятель, на эту подушку бы лег.
Очень любезно нас было прыжками забавить.
В поле, на воле, уместна твоя беготня.
Здесь тебя просят излишнюю резвость оставить.
Угомонись и пойми: ты в гостях у меня.
Когда в глубоком мраке ночи
Каморку лампа озарит,
Не только в комнате рабочей,
И в сердце как бы свет разлит.
Я слышу разума внушенья,
Я возрождаюсь и хочу
Припасть к источникам творенья,
К живительному их ключу.
Пудель, оставь!
С вдохновеньем минуты, Вдруг охватившим меня невзначай,
Несовместимы ворчанье и лай. Более свойственно спеси надутой
Лаять на то, что превыше ее. Разве и между собачьих ухваток
Водится этот людской недостаток? - Пудель! Оставь беготню и вытье.
Но вновь безволие, и упадок, и вялость в мыслях, и разброд.
Как часто этот беспорядок за просветленьем настает!
Паденья эти и подъемы как в совершенстве мне знакомы!
От них есть средство искони: Лекарство от душевной лени —
Божественное откровенье (6), Всесильное и в наши дни.
Всего сильнее им согреты Страницы Нового завета (7). Вот, кстати, рядом и они.
Я по-немецки все Писанье хочу, не пожалев старанья,
Уединившись взаперти, как следует перевести (8). *(Открывает книгу, чтобы приступить к работе.)*
«В начале было Слово». С первых строк
Загадка. Так ли понял я намек?
Ведь я так высоко не ставлю слова,
Чтоб думать, что оно всему основа.
«В начале Мысль была». Вот перевод.
Он ближе этот стих передает.
Подумаю, однако, чтобы сразу

Не погубить работы первой фразой.
Могла ли мысль в создание жизнь вдохнуть?
«Была в начале Сила». Вот в чем суть.
Но после небольшого колебания
Я отклоняю это толкованье.
Я был опять, как вижу, с толку сбит:
«В начале было Дело» — стих гласит.
(Пуделю): Если ты хочешь жить со мною,
То чтоб без воя. Что за возня?
Понял ты, пудель? Смотри у меня!
Кроме того, не лай, и не балуй,
Очень ты, брат, беспокойный малый.
Одному из нас двоих
Придется убраться из стен моих.
Ну, так возьми на себя этот шаг.
Нечего делать. Вот дверь. Всех благ!
Но что я вижу! Вот так гиль!
Что это, сказка или быль?
Мой пудель напыжился, как пузырь,
И все разбухает ввысь и вширь.
Он может до потолка достать.
Нет, это не собачья статья!
Я нечисть ввел себе под свод!
Раскрыла пасть, как бегемот,
Огнем глазища налиты,—
Тварь из бесовской мелкоты.
Совет, как пакость обуздать, «Ключ Соломона» (9) может дать.
Духи (10) (в сених): Один из нас в ловушке, но внутрь за ним нельзя.
Наш долг помочь друг дружке, за дверью лебезя.
Вертитесь втихомолку, чтоб нас пронюхал бес
И к нам в дверную щелку на радостях пролез.
Узнав, что есть подмога и он в родном кругу,
Он ринется к порогу, мы все пред ним в долгу.
Фауст: Чтоб зачураться от собаки, Есть заговор четвероякий!
Саламандра, жгись, Ундина, вейся, Сильф, рассейся, Кобольд, трудись! (11)
Кто слышит впервые про эти стихии, Их свойства и строй,
Какой заклинатель? Кропатель пустой!
Раздуй свое пламя,
Саламандра! Разлейся ручьями,
Ундина! Сильф, облаком взмой!
Инкуб, домовый, В хозяйственном хламе, Что нужно, отрой!
Из первоматерий нет в нем ни одной.
Не стало ни больно, ни боязно зверю.
Разлегся у двери, смеясь надо мной.
Заклятья есть строже,
Поганая рожа,
Постой!
Ты выходец бездны,
Приятель любезный?
Вот что без утайки открой.
Вот символ святой,
И в дрожь тебя кинет,
Так страшен он вашей всей шайке клятой!
Гляди-ка, от ужаса шерсть он щетинит!
Глазами обоими
Бесстыжими, враг.
Прочтешь ли ты имя,
Осилишь ли знак (12)
Несотворенного,
Неизреченного,
С неба сошедшего, в лето Пилатова
Нашего ради спасенья распятого?
За печку оттеснен, он вверх растет, как слон,

Готовый, словно дым, по потолку расплыться.

Ложись к ногам моим на эту половицу!

Я сделать все могу еще с тобой, несчастный!

Я троицей сожгу Тебя триипостасной!(13)

На это сила есть, поверь, у чародея.

Мефистофель: *(выходит, когда дым рассеивается, из-за печи в одежде странствующего студента)*

Что вам угодно? Честь представиться имею.

Фауст: Вот, значит, чем был пудель начинен!

Скрывала школяра в себе собака?

Мефистофель: Отвешу вам почтительный поклон.

Ну, вы меня запарили, однако!

Фауст: Как ты зовешься?

Мефистофель: Мелочный вопрос в устах того, кто безразличен к слову,

Но к делу лишь относится всерьез и смотрит в корень, в суть вещей, в основу.

Фауст: Однако специальный атрибут у вас обычно явствует из кличек:

Мушиный царь, обманщик, враг, обидчик, Смотри как каждого из вас зовут: Ты кто?

Мефистофель: Часть силы той, что без числа

Творит добро, всему желая зла.

Фауст: Нельзя ли это проще передать?

Мефистофель: Я дух, всегда привыкший отрицать. И с основанием: ничего не надо.

Нет в мире вещи, стоящей пощады, Творенье не годится никуда.

Итак, я то, что ваша мысль связала С понятием разрушенья, зла, вреда.

Вот прирожденное мое начало, Моя среда.

Фауст: Ты говоришь, ты — часть, а сам ты весь стоишь передо мною здесь?

Мефистофель: Я верен скромной правде. Только спесь Людская ваша с самомненьем смелым

Себя считает вместо части целым.

Я — части часть, которая была когда-то всем и свет произвела.

Свет этот — порожденье тьмы ночной и отнял место у нее самой.

Он с ней не сладит, как бы ни хотел. Его удел — поверхность твердых тел.

Он к ним прикован, связан с их судьбой, лишь с помощью их может быть собой,

И есть надежда, что, когда тела разрушатся, сгорит и он дотла.

Фауст: Так вот он в чем, твой труд почтенный! Не сладив в целом со вселенной,

Ты ей вредишь по мелочам?

Мефистофель: И безуспешно, как я ни упрям.

Мир бытия — досадно малый штрих

Среди небытия пространств пустых.

Однако до сих пор он непреклонно

Мои нападки сносит без урона.

Я донимал его землетрясеньем,

Пожарами лесов и наводненьем,—

И хоть бы что! Я цели не достиг.

И море в целости и материк.

А люди, звери и порода птичья,

Мори их не мори, им трын-трава.

Плодятся вечно эти существа,

И жизнь всегда имеется в наличие.

Иной, ей-ей, рехнулся бы с тоски!

В земле, в воде, на воздухе свободном

Зародыши роятся и ростки

В сухом и влажном, теплом и холодном.

Не завладей я областью огня,

Местечка не нашлось бы для меня.

Фауст: Итак, живительным задаткам, производящим все кругом,

Объятый зависти припадком, грозишь ты злобно кулаком?

Что ж ты поинтересней дела себе, сын ночи, не припас?

Мефистофель: Об этом надо будет зрело подумать в следующий раз.

Теперь позвольте удалиться.

Фауст: Прощай, располагай собой.

Знакомый с тем, что ты за птица,

Прошу покорно в час любой.

Ступай. В твоём распоряженье

Окно, и дверь, и дымоход.

Мефистофель: Я в некотором затрудненье.

Мне выйти в сени не дает

Фигура под дверною рамой.

Фауст: Ты испугался пентаграммы? (14) Каким же образом тогда

Вошел ты чрез порог сюда? Как оплошал такой пройдоха?

Мефистофель: Всмотритесь. Этот знак начертан плохо.

Наружный угол вытянут в длину И оставляет ход, загнувшись с края.

Фауст: Скажи-ка ты, нечаянность какая! Так, стало быть, ты у меня в плену?

Не мог предугадать такой удачи!

Мефистофель: Мог обознаться пудель на бегу, Но с чертом дело обстоит иначе:

Я вижу знак и выйти не могу.

Фауст: Но почему не лезешь ты в окно?

Мефистофель: Чертям и призракам запрещено

Наружу выходить иной дорогой,

Чем внутрь вошли; закон на это строгий.

Фауст: Ах, так законы есть у вас в аду?

Вот надо будет что иметь в виду На случай договора с вашей братьей.

Мефистофель: Любого обязательства принятье

Для нас закон со всеми наряду.

Мы не меняем данных обещаний

Договорим при будущем свиданье,

На этот раз спешу я и уйду.

Фауст: Еще лишь миг, и я потом отстану: Два слова только о моей судьбе. -

Мефистофель: Я как-нибудь опять к тебе нагряну, Тогда и предадимся ворожке.

Теперь пусти меня!

Фауст: Но это странно! Ведь я не расставлял тебе сетей,

Ты сам попался и опять, злодей, не дашься мне, ушедши из капкана.

Мефистофель: Согласен. Хорошо. Я остаюсь

И, в подтвержденье дружеского чувства,

Тем временем развлечь тебя берусь

И покажу тебе свое искусство.

Фауст: Показывай, что хочешь, но гляди — Лишь скуки на меня не наведи.

Мефистофель: Ты больше извлечешь сейчас красот за час короткий, чем за долгий год.

Незримых духов тонкое уменье захватит полностью все ощущения,

Твой слух и нюх, а также вкус, и зренье, и осязание — все наперечет.

Готовиться не надо. Духи тут и тотчас исполнение начнут.

Духи: Рухните, своды каменной кельи! С полной свободой Хлынь через щели,

Голубизна!

В тесные кучи сбились вы, тучи, в ваши разрывы смотрит тоскливо

Звезд глубина.

Там в притяженье Вечном друг к другу Мчатся по кругу Духи и тени,

Неба сыны.

Эта планета В зелень одета. Нивы и горы Летом в уборы

Облечены.

Всё— в оболочке: Первые почки, Редкие ветки, гнезда, беседки

И шалаши

Всюду секреты, Слезы, обеты, Взятие, отдача Жаркой, горячей,

Страстной души.

С тою же силой, Как из давила Сок винограда Пенною бурей

Хлещет в чаны,

Так с верхотурья Горной стремнины Мощь водопада Всею громадой Валит в лощину

На валуны.

Здесь на озерах Зарослей шорох, Лес величавый, Ропот дубравы,

Рек рукава.

Кто поупрямей — Вверх по обрыву, Кто с лебедями — Вплавь по заливу

На острова.

Раннею ранью И до захода — Песни, гулянье И хороводы, Небо,

трава.

И поцелуи Напропалую, И упоенье Самозабвенья,

И синева.

Мефистофель: Он спит! Благодарю вас несказанно, его вы усыпили, мальчуганы,

А ваш концерт — вершина мастерства.

Нет, не тебе ловить чертей в тенета!

Чтоб глубже погрузить его в дремоту,

Дружней водите, дети, хоровод.
А этот знак — для грызуна работа,
Его мне крыса сбоку надгрызет.
Ждать избавительницы не придется:
Уж слышу я, как под полом скребется.
Царь крыс, лягушек, и мышей,
Клопов, и мух, и жаб, и вшей (15)
Тебе велит сюда явиться
И выгрызть место в половице,
Куда я сверху масла капну.
Уж крыса тут как тут внезапно!
Ну, живо! Этот вот рубец.
Еще немного, и конец.
Готово! Покидаю кров.
Спи, Фауст, мирно. Будь здоров! (*Уходит.*)
Фауст (*просыпаясь*): Не вовремя я сном забылся.
Я в дураках. Пока я спал,
Мне в сновиденье черт явился
И пудель от меня сбежал.

РАБОЧАЯ КОМНАТА ФАУСТА (16). *Фауст и Мефистофель.*

Фауст: Опять стучится кто-то. Вот досада! Войдите. Кто там?

Мефистофель: Это я.

Фауст Войди.

Мефистофель Заклятье повторить три раза надо.

Фауст Войди ж.

Мефистофель: Вот ты меня и лицезришь.

Я убежден, поладить мы сумеем

И сообща твою тоску рассеем.

Смотри, как расфрантился я пестро.

Из кармазина с золотою ниткой

Камзол в обтяжку, на плечах накидка,

На шляпе петушиное перо,

А сбоку шпага с выгнутым эфесом.

И — хочешь знать? — вот мнение мое:

Сам оденься в такое же шитье,

Чтобы в одежде, свойственной повесам,

Изведать после долгого поста,

Что означает жизни полнота.

Фауст: В любом наряде буду я по праву тоску существования сознать.

Я слишком стар, чтоб знать одни забавы, и слишком юн, чтоб вовсе не желать.

Что даст мне свет, чего я сам не знаю? «Смирять себя!» — вот мудрость прописная,

Извечный, нескончаемый припев, которым с детства прожужжали уши,

Нравоучительною этой сухью нам всем до тошноты осточертев.

Я утром просыпаюсь с содроганьем и чуть не плачу, зная наперед,

Что день пройдет, глухой к моим желаньям, и в исполнение их не приведет.

Намек на чувство, если он замечен, недопустим и дерзок чересчур:

Злословье все покроет грязью сплетен и тысячью своих карикатур.

И ночь меня в покое не оставит. Едва я на постели растянусь,

Меня кошмар ночным удушьем сдавит, и я в поту от ужаса проснусь.

Бог, обитающий в груди моей, влияет только на мое сознание.

На внешний мир, на общий ход вещей не простирается его влияние.

Мне тяжело от неполноты такой, я жизнь отверг и смерти жду с тоской,

Мефистофель: Смерть — посетитель не ахти какой.

Фауст: Блажен, к кому она в пылу сраженья, увенчанная лаврами, придет,

Кого сразит средь вихря развлечений или в объятьях девушки найдет.

При виде духа кончить с жизнью счеты я был вчера на радостях не прочь.

Мефистофель: Но, если я не ошибаюсь, кто-то не выпил яда именно в ту ночь?

Фауст В придачу ко всему ты и шпион?

Мефистофель Я не всеведущ, я лишь искушен.

Фауст: О, если мне в тот миг разлада был дорог благовеста гул

И с детства памятной отрадой мою решимость пошатнул,

Я проклинаю ложь без меры и изворотливость без дна,

С какою в тело, как в пещеру, у нас душа заключена.
Я проклинаю самомнение, которым ум наш обуян,
И проклинаю мир явлений, обманчивых, как слой румян.
И оболыценье семьянина, детей, хозяйство и жену,
И наши сны, наполовину неисполнимые, клянц.
Клянц Маммона, власть наживы, растлившей в мире все кругом,
Клянц святой любви порывы и опьянение вином.
Я шлю проклятие надежде, переполняющей сердца,
Но более всего и прежде клянц терпение глупца.

Хор духов (17): (незримо): О, бездна страданья И море тоски!

Чудесное здание разбито в куски.

Ты градом проклятий его расшатал.

Горюй об утрате погибших начал.

Но справься с печалью, воспрянь, полубог!

Построй на обвале свой новый чертог

. Но не у пролома, а глубже, в груди,

Свой дом по-другому теперь возведи.

Настойчивей к цели насущной шагни

И песни веселья в пути затяни.

Мефистофель: Мои малютки. Их прибаутки.

Разумное их слово не по летам толково

. Они тебя зовут рвануться вон из пут

И мрака кабинета в простор большого света.

Оставь заигрывать с тоской своей,

Точащего тебя, как коршун злобный.

Как ни плоха среда, но все подобны,

И человек немислим без людей.

Я не зову тебя к простолюдинам,

Мы повидней компанию найдем.

Хоть средь чертей я сам не вышел чином,

Найдешь ты пользу в обществе моем.

Давай столкнемся друг с другом,

Чтоб вместе жизни путь пройти.

Благодаря моим услугам

Не будешь ты скучать в пути.

Фауст А что ты требуешь в уплату?

Мефистофель Сочтемся после, время ждет.

Фауст: Черт даром для меньшого брата и пальцем не пошевелит.

Договоримся, чтоб потом не заносить раздора в дом.

Мефистофель: Тебе со мною будет здесь удобно, я буду исполнять любую блажь.

За это в жизни тамошней, загробной ты тем же при свиданье мне воздашь.

Фауст: Но я к загробной жизни равнодушен.

В тот час, как будет этот свет разрушен,

С тем светом я не заведу родства.

Я сын земли. Отрады и кручины

Испытываю я на ней единой.

В тот горький час, как я ее покину,

Мне все равно, хоть не расти трава.

И до иного света мне нет дела,

Как тамошние б чувства ни звались,

Не любопытно, где его пределы,

И есть ли там, в том царстве, верх и низ.

Мефистофель: Тем легче будет, при таком воззренье,

Тебе войти со мною в соглашение.

За это, положишься на мой обет,

Я дам тебе, чего не видел свет.

Фауст: Что можешь ты пообещать, бедняга? Вам, близоруким, непонятна суть

Стремлений к ускользящему благу. Ты пищу дашь, не сытную ничуть.

Дашь золото, которое, как ртуть, меж пальцев растекается; зазнобу,

Которая, упав к тебе на грудь, уж норовит к другому ушмыгнуть.

Дашь талью карт, с которой, как ни пробуй, игра вничью и выигрыш не в счет;

Дашь упоенье славой, дашь почет, успех, недолговечней метеора,

И дерево такой породы спорой, что круглый год день вянет, день цветет.

Мефистофель: Меня в тупик не ставит порученье. Все это есть в моем распоряженье.

Но мы добудем, дай мне только срок, Вернее и полакомей кусок.

Фауст: Пусть мига больше я не протяну,

В тот самый час, когда в успокоенье

Прислушаюсь я к лести восхвалений,

Или предамся лени или сну,

Или себя дурачить страсти дам,—

Пускай тогда в разгаре наслаждений

Мне смерть придет!

Мефистофель: Запомним!

Фауст: По рукам! Едва я миг отдельный возвеличу,

Вскричав: «Мгновение, повремени!» — Все кончено, и я твоя добыча,

И мне спасенья нет из западни. Тогда вступает в силу наша сделка,

Тогда ты волен,— я закабален. Тогда пусть станет часовая стрелка,

По мне раздастся похоронный звон.

Мефистофель: Имей ввиду, я это все запомню.

Фауст: Не бойся, я от слов не отступлюсь. И отчего бы стал я вероломней?

Ведь если в росте я остановлюсь, чьей жертвою я стану, все равно мне.

Мефистофель: Я нынче ж на ученом кутеже твое доверье службой завоюю,

Ты ж мне черкни расписку долговую, чтоб мне не сомневаться в платеже,

Фауст: Тебе, педанту, значит, нужен чек

И веры не внушает человек?

Но если клятвы для тебя неважны,

Как можешь думать ты, что клок бумажный,

Пустого обязательства клочок,

Удержит жизни бешеный поток?

Наоборот, средь этой быстрины

Еще лишь чувство долга только свято.

Сознание того, что мы должны,

Толкает нас на жертвы и затраты.

Что значит перед этим власть чернил?

Меня смешит, что слову нет кредита,

А письменности призрак неприкрытый

Всех тиранией буквы подчинил.

Что ж ты в итоге хочешь? Рассуди,

Пером, резцом иль грифелем, какими

Чертами, где мне нацарапать имя?

На камне? На бумаге? На меди?

Мефистофель: Зачем ты горячишься? Не дури. Листка довольно. Вот он наготове.

Изволь тут расписаться каплей крови.

Фауст: Вот вздор! Но будь по-твоему: бери. Какие-то ходульные условия!

Мефистофель: Кровь, надо знать, совсем особый сок.

Фауст: Увы, тебя я не надую.

Я — твой, тебе принадлежу,

Раз обещаю к платежу

Себя и жизнь свою пустую,

Которой я не дорожу.

Чем только я кичиться мог?

Великий дух миропорядка

Пришел и мною пренебрег.

Природа для меня загадка.

Я на познание ставлю крест.

Чуть вспомню книги — злоба ест.

Отныне с головой нырну

В страстей клокочущих горнило,

Со всей безудержностью пыла

В пучину их, на глубину!

В горячку времени стремглав!

В разгар случайностей с разбегу!

В живую боль, в живую негу,

В вихрь огорчений и забав!

Пусть чередуются весь век

Счастливый рок и рок несчастный.

В неумоимости всечасной
Себя находит человек.
Мефистофель: Со всех приманок снят запрет.
Но, жаждой радостей терзаем,
Срывая удовольствий цвет,
Не будь застенчивым кисляем,
Рви их смелее, — мой совет.
Фауст: Нет, право, ты неподражаем:
О радостях и речи нет.
Скорей о буре, урагане, угаре страсти разговор.
С тех пор как я остыл к Познанию, я людям руки распростер.
"Я грудь печалям их открою и радостям — всему, всему,
И все их бремя роковое, все беды на себя возьму.
Мефистофель: В течение многих тысяч лет
Жую я бытия галет,
Но без изжоги и отрыжки
Нельзя переварить коврижки.
Вселенная во весь объем
Доступна только провиденью.
У бога светозарный дом,
Мы в беспросветной тьме живем,
Вам, людям, дал он во владенье .
Чередование ночи с днем.
Фауст: А я осилю все.
Мефистофель: Похвально.
Но жизнь, к несчастью, коротка,
А путь до совершенства дальний,
Нужна помощника рука. Возьми поэта на подмогу.
Пусть щедро он тебе привьет все доблести по каталогу:
Бесстрашие льва, оленя ход,
Страсть итальянца, твердость шведа.
Его рецепту ты последуй,
Как претворить в одну черту
Двуличие и прямоту.
Затем со страстью первозданной
Пусть влюбит он тебя по плану.
Все мыслимое охвати,
Стань микрокосмом во плоти.
Фауст: Что я такое, если я венца
Усилий человеческих не стою,
К которому стремятся все сердца?
Мефистофель: Ты — то, что представляешь ты собою.
Надень парик с миллионом завитков,
Повысь каблук на несколько вершков,
Ты — это только ты, не что иное.
Фауст: Итак, напрасно я копил дары
Людской премудрости с таким упорством?
Я ничего своим усердьем черствым
Добиться не сумел до сей поры.
Ни на волос не стал я боле крупен,
Мир бесконечности мне недоступен.
Мефистофель: Ты в близорукости не одинок,
Так смотрите вы все на это дело.
А нужен взгляд решительный и смелый,
Пока в вас тлеет жизни огонек.
Большой ли пользы истиной достигнешь,
Что скажем, выше лба не перепрыгнешь?
Да, каждый получил свою башку,
Свой зад, и руки, и бока, и ноги.
Но разве не мое, скажи, в итоге,
Все, из чего я пользу извлеку?
Купил я, скажем, резвых шестерню.
Не я ли мчу ногами всей шестерки, Когда я их в карете разгоню?

Поэтому довольно гнить в каморке! Обведем мир! Я вдаль тебя маню!
Брось умствовать! Схоластика повадки напоминают ошалевший скот,
Который мечется кругом в припадке, а под ногами сочный луг цветет.

Фауст: Куда ж махнем?

Мефистофель: Куда глаза глядят.

Скорей оставим этот каземат.

Дался тебе твой каменный застенок,

Где отдаешь ты силы за бесценок

И моришь скукой взрослых и ребят!

Довольно! Лучше предоставь собрату

Водотолчение в ступе. Решено.

Того, что лучше всякого трактата,

Ребятам ты не скажешь все равно.

Студента, кстати, вижу я в окно,

Фауст Сейчас я занят. Он пришел не в пору.

Мефистофель: Я заменю тебя. Он ждет давно.

Я в дом пушу его из коридора. Дай шапку мне свою и балахон. (Переодевается.)

Я, кажется, хорош в твоём костюме?

Теперь все предоставим остроумью.

Ты на минут пятнадцать выйди вон

И позаботься о дорожных сборах. *Фауст уходит.*

Мефистофель (один, в длинной одежде Фауста): Мощь человека, разум презирай,

Который более тебе не дорог!

Дай ослепленью лжи зайти за край,

И ты в моих руках без отговорок!

Нрав дан ему отчаянный и страстный. Во всем он любит бешенство, размах.

От радостей земли он ежечасно срывается куда-то впопыхах.

Я жизнь изведать дам ему в избытке, И в грязь втопчу, и тиною оплету.

Он у меня пройдет всю жуть, все пытки, Всю грязь ничтожества, всю пустоту!

Он будет пить — и вдоволь не напьется,

Он будет есть, — и он не станет сыт,

И если бы он не был черту сбыт,

Он все равно пропал и не спасется. *Входит студент.*

Студент: Я здесь с недавних пор и рад

На человека бросить взгляд,

Снискавшего у всех признание

И кем гордятся горожане.

Мефистофель: Душевно тронут и польщен. Таких, как я, здесь легион. Вы осмотрелись тут отчасти?

Студент: Прошу принять во мне участие.

Для знания не щадя души,

Я к вам приехал из глуши.

Меня спрашивала мать

Так далеко не уезжать,

Но я мечтал о вашей школе.

Мефистофель: Да, здесь вы разовьетесь вволю.

Студент: Скажу со всею прямою:

Мне хочется уже домой.

От здешних тесных помещений

На мысль находит помрачение.

Кругом ни травки, ни куста,

Лишь сумрак, шум и духота.

От грохота аудиторий

Я глухну и с собой в раздоре.

Мефистофель: Тут только в непривычке суть.

У матери не сразу грудь

Берет глупыш новорожденный,

А после не отнять от лона.

Так все сильнее когда-нибудь Вы будете к наукам лгнуть

Студент: Но если с первого же шага во мне отбили эту тягу?

Мефистофель: Наметили вы или нет призвание и факультет?

Студент: Я б стать хотел большим ученым

И овладеть всем потаенным,

Что есть на небе и земле.

Естествознанием в том числе,

Мефистофель: Что ж, правильное направление. Все дело будет в вашем рвенье.

Студент: Я рад и телом и душой весь год работать напряженно.

Но разве будет грех большой гулять порой вакационной? (18)

Мефистофель: Употребляйте с пользой время. Учиться надо по системе.

Сперва хочу вам в долг вменить На курсы логики ходить,

Ваш ум, нетронутый доныне, На них приучат к дисциплине,

Чтоб взял он направления ось, Не разбредаясь вкривь и вкось.

Что вы привыкли делать дома Единым махом, наугад, Как люди пьют или едят,

Вам расчленят на три приема И на субъект и предикат.

В мозгах, как на мануфактуре, Есть ниточки и узелки.

Посылка не по той фигуре Грозит запутать челноки.

За тьму оставшихся вопросов

Возьмется вслед за тем философ

И объяснит, непогрешим,

Как подобает докам тертым,

Что было первым и вторым

И стало третьим и четвертым.

Но, даже генезис узнав таинственного мироздания

И вещества живой состав, живой не создадите ткани.

Во всем подслушать жизнь стремясь, спешат явления обездушить,

Забыв, что если в них нарушить одушевляющую связь, То больше нечего и слушать

«Encheiresin naturae» (19) — вот как это химия зовет.

Студент: Не понял вас ни в малой доле.

Мефистофель: Поймете волею-неволей.

Для этого придется впредь в редукции (20) понатореть, Классифицируя поболе.

Студент: Час от часу не легче мне, и словно голова в огне.

Мефистофель: Еще всем этим не пресытаться, за метафизику(21) возьмитесь.

Придайте глубины печать Тому, чего нельзя понять.

Красивые обозначенья Вас выведут из затрудненья.

Но более всего режим Налаженный необходим.

Отсидкою часов учебных Добьетесь отзывов хвалебных.

Хорошему ученику Нельзя опаздывать к звонку.

Заучивайте на дому Текст лекции по руководству.

Учитель, сохраняя сходство, Весь курс читает по нему.

И все же с жадной быстротой

Записывают мысли звенья.

Как будто эти откровенья

Продиктовал вам дух святой.

Студент: Я это знаю и весьма Ценю значение письма.

Изображенное в тетради У вас, как в каменной ограде.

Мефистофель: Какой же факультет избрать?

Студент: Законоведом мне не стать.

Мефистофель: Вот поприще всех бесполезней.

Тут крючкотворам лишь лафа.

Седого кодекса графа,

Как груз наследственной болезни.

Иной закон из рода в род от деда переходит к внуку.

Он благом был, но в свой черед стал из благоденья мукой.

Вся суть в естественных правах. А их и втоптывают в прах.

Студент: Да, мне юристом не бывать. Я отношусь к ним с нелюбовью. Отдамся лучше богословью.

Мефистофель: О нет, собьетесь со стези! Наука эта — лес дремучий.

Не видно ничего вблизи. Исход единственный и лучший:

Профессору смотрите в рот и повторяйте, что он врет.

Спасительная голословность избавит вас от всех невзгод,

Поможет обойти неровность и в храм бесспорности введет. Держитесь слов.

Студент: Да, но словам ведь соответствуют понятия.

Мефистофель: Зачем в них углубляться вам?

Совсем ненужное занятие.

Бессодержательную речь

Всегда легко в слова облечь.

Из голых слов, ярясь и споря,

Возводят здания теорий.

Словами вера лишь жива. Как можно отрицать слова?

Студент: Простите, я вас отвлеку, но я расспросы дальше двину:

Не скажете ли новичку, как мне смотреть на медицину?

Три года обучения — срок, по совести, конечно, плевый.

Я б многого достигнуть мог, имей я твердую основу.

Мефистофель (*про себя*): Я выдохся как педагог

И превращаюсь в черта снова.

(*Вслух*): Смысл медицины очень прост. Вот общая ее идея:

Все в мире изучив до звезд, все за борт выбросьте позднее.

Зачем трудить мозги напрасно? Валяйте лучше напрямик.

Кто улучит удобный миг, тот и устроится прекрасно.

Вы стройны и во всей красе, ваш вид надменен, взгляд рассеян.

В того невольно верят все, кто больше всех самонадеян.

Ступайте к дамам в будуар.

Они — податливый товар.

Их обмороки, ахи, охи,

Одышки и переполохи

Лечить возьмитесь не за страх —

И все они у вас в руках.

Вы так почтенны в их оценке. Хозяйничайте ж без стыда,

Так наклоняясь к пациентке, как жаждет кто-нибудь года.

Исследуя очаг недуга, рукой проверьте, сердцеед,

Не слишком ли затянут туго На страждущей ее корсет.

Студент: Вот эта область неплоха. Теперь гораздо ближе мне вы.

Мефистофель: **Теория, мой друг, суха, Но зеленеет жизни древо.**

Студент: От вас я просто как в чаду. Я вновь когда-нибудь приду Послушать ваши рассужденья.

Мефистофель: Вы сделали б мне одолжение.

Студент: Ужель ни с чем идти домой? В воспоминанье о приеме оставьте росчерк ваш в альбоме.

Мефистофель: Не откажусь. Вот вам автограф мой. (*Делает надпись в альбоме и возвращает его студенту.*)

Студент (*читает*): Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum (22). (*Почтительно закрывает альбом и откланивается.*)

Мефистофель: Змеи, моей прабабки, следуй изреченью, Подобье божие утратив в заключение! *Входит Фауст.*

Фауст: Куда же мы теперь?

Мефистофель: В любой поход. В большой и малый свет.(23) И ты не хмурься!

С каким восторгом после всех экскурсий Ты сдашь по этим странствиям зачет!

Фауст: Однако, видишь, я длиннобород. Едва ли пользу принесет поездка.

Мне стыдно малости своей средь блеска и легкомыслия недостает.

Я в жизни не умел усвоить лоска

И в обществе застенчивей подростка.

Мефистофель: Потрешься меж людьми и, убежден, Усвоишь независимость и тон.

Фауст: Но как мы пустимся в поездку эту? Где лошади, где кучер, где карета?

Мефистофель: Я расстелю пошире пелерину и предоставлю моему плащу

По воздуху унести нас на чужбину. С большим узлом тебя я не пущу.

Я вещество такое берегу, чтоб к небу подняло нас, как пушинку.

Поздравить с жизнью тебя могу, которая тебе еще в новинку.

САД (24). *Маргарита под руку с Фаустом и Марта с Мефистофелем прогуливаются по саду.*

Маргарита: Ах, это только ваша доброта, что вы так снисходительно нестроги.

Меня в путешествии места, любезны вы со встречными в дороге.

Моя незанимательная речь не может вас ни капельки увлечь.

Фауст: Один лишь взгляд, один лишь голос твой дорожке мне всей мудрости земной. (*Целует ей руку.*)

Маргарита: Да что вы, право, руки целовать!

Ведь кожа у меня так огрубела.

Тружусь, минуты не сижу без дела.

И требует порядка в доме мать. *Проходят дальше*

Марта: Так вы в разъездах, стало быть, всегда?

Мефистофель: Проклятое занятие такое.

Стрелой мчишься через города

И ни в одном нельзя пожить в покое.

Марта: По молодости все нам нипочем, свищи в кулак да по дорогам рыскай,

Когда ж к концу подступит дело близко, не сладко доживать холостяком.

Мефистофель Представишь это, сердце жить не радо.

Марта: Об этом вовремя подумать надо. *Проходят дальше.*

Маргарита: Да, с глаз долой, из сердца вон небось? Вы вежливы, вот все и объяснение.

У вас друзей ученых тьма, хоть брось. Я с ними не могу идти в сравнение.

Фауст: Поверь, мой ангел, то, что мы зовем Ученостью, подчас одно тщеславье.

Маргарита Ужель?

Фауст: О, как в неведение своем

Невинность блещет, как алмаз в оправе,

Не помышляя о своей цене,

Своих достоинств ни во что не ставя!

Маргарита: Хоть миг вниманья подарите мне, И я всегда вас помнить буду вправе.

Фауст: И ты все дома?

Маргарита: Больше все одна. Хотя у нас хозяйство небольшое,

Сноровка в доме все равно нужна: мы без служанки, я стираю, мою,

Готовлю, подметаю, шью, все — я. Возни и спешки, только б с ног не сбиться.

И матушка строга: насчет шитья она сама большая мастерица!

Не то чтоб находились мы в нужде, Скорее мы с достатком горожане.

Отец семье оставил состояние, и сад, и домик малый в слободе.

Теперь я не тружусь чуть свет спросонку,

Как год назад:

В солдатах брат

И умерла сестренка,

А то я отдавала все ребенку,

Но рада б муки все вернуть назад

За милый детский взгляд.

Фауст: Взгляд, вероятно, херувима, Единственно с твоим сравнимый.

Маргарита: Сестра на свет явилась в страшный год отцовской смерти. Я была ей няней.

Мать поручила мне за ней уход, Сама ж тогда лежала без сознания,

Мы думали, что и она умрет.

Кормить дитя в течение этих дней

Тогда нельзя и думать было ей.

Я молоком с водой сестру вскормила.

И на моих руках, всегда со мной

Она росла, смеялась и шалила.

Фауст И это было радостью живой?

Маргарита: Но временами я теряла силы. Стояла ночью рядом колыбель.

Проснусь, чуть двинется она, бывало, Сестре дам молока, возьму в постель,

Да если этого крикунье мало, пойду качать, закутав в одеяло,

Я ноги оттопчу до хромоты,

А поутру на рынке, у плиты

Или за постирушкой у корыта

Почувствуешь себя такой разбитой!

Зато как сладок съеденный кусок,

Как дорог отдых и как сон глубок! *Проходят дальше.*

Марта: Неисправимые холостяки!

Как обратить вас в истинную веру?

Мефистофель: К такой учительнице, для примера, охотно б я пошел в ученики.

Марта: Тогда нельзя ль вам в душу заглянуть? У вас есть на примете кто-нибудь?

Мефистофель: Своя жена да угол, говорят, дороже царств и каменных палат.

Марта Я говорю о склонности взаимной.

Мефистофель Все встречные в пути гостеприимны.

Марта: Нет, вы не поняли. Я знать хочу, серьезных чувств вы в прошлом не таите?

Мефистофель Я в жизни с женщинами не шучу.

Марта Ах нет, меня понять вы не хотите!

Мефистофель: Я, каюсь, глуп. Однако в меру сил любвеобильность вашу оценил. *Проходят дальше.*

Фауст: О радость ты моя! Так ты сейчас меня узнала с первого же взгляда?

Маргарита Конечно. И потупилась, смутясь.

Фауст: Прости же, что тебя я подстерег В то утро за церковного оградой. Не ставь мне этой вольности в упрек.

Маргарита: Мне это непривычно, и сперва я было растерялась от смущенья.

Ведь на меня до этого молва Еще ни разу не бросала тени.

Мое ли, думала я, поведение

Внушило вам столь вольные слова?
Наверно, я нарушила приличие,
Что представляюсь легкою добычей!
Признаться, я предвидеть не могла, что я сама возьму вас под защиту,
И на себя была за то сердита, что строже вас в душе не распекала.

Фауст О милая!

Маргарита А ну... *(Срывает ромашку и обрывает один за другим лепестки.)*

Фауст Ты что, букет или венок плетешь?

Маргарита Нет, так, пустое.

Фауст Нет, что же ты?

Маргарита Не смейтесь надо мною! *(Шепчет.)*

Фауст Что шепчешь ты?

Маргарита *(вполголоса)* Не любит. Любит, Нет,

Фауст О прелесть ты моя!

Маргарита *(продолжает)* Не любит. Любит! .Не любит,

(Обрывая последний лепесток, громко и радостно.) Любит!

Фауст Любит! Да, мой свет! Гаданье этот узел пусть разрубит! Он любит, любит, вот цветка ответ.

Вмести, постигни это торжество!

Маргарита Я вся дрожу.

Фауст Не бойся ничего! Пусть этот взгляд

И рук пожатье скажут

О необъятном том,

Пред чем слова — ничто,

О радости, которая нам свяжет

Сердца. Да, да, навеки без конца!

Конец—необъяснимое понятие.

Печать отчаянья, проклятья

И гнев творца.

Маргарита сжимает ему руки, вырывается и убегает. Фауст не сразу приходит в себя и, овладев собою, идет за нею.

Марта *(приближаясь из глубины)* Смеркается.

Мефистофель И нам домой пора.

Марта

Я вас не отпустила бы так скоро

Со своего двора,

Но городок наш страшная дыра,

Начнутся разговоры.

Здесь у людей другого дела нет,

Как наблюдать через заборы,

Куда и с кем пошел сосед.

А наша пара?

Мефистофель Он юркнул в тьму за нею вслед.

Марта Он благосклонен к ней.

Мефистофель Она — к нему. Так создан свет.

КОМНАТА ГРЕТХЕН.

Гретхен (одна за прялкой)

Что случилось со мною? Я словно в чаду.

Минуты покоя себе не найду.

Чуть он отлучится, забьюсь, как в петле,

И я не жилица на этой земле.

В догадках угрюмых брожу, чуть жива,

Сумятица в думах, в огне голова.

Что случилось со мною? Я словно в чаду.

Минуты покоя себе не найду.

Гляжу, цепенея, часами в окно.

Заботой моею все заслонено.

И вижу я живо походку его,

И стан горделивый, и глаз колдовство.

И, слух мой чаруя, течет его речь,

И жар поцелуя грозит меня сжечь.

Что случилось со мною? Я словно в чаду.

Минуты покоя себе не найду.

Где духу набраться, чтоб страх победить,
Рвануться, прижаться, руками обвить?
Я б все позабыла с ним наедине,
Хотя б это было погибелью мне.

НОЧЬ. УЛИЦА ПЕРЕД ДОМОМ ГРЕТХЕН. *Валентин, солдат, брат Гретхен.*

Валентин Зайду, бывало, пить в подвал

И слышу, как иной бахвал

Расписывает наобум

Свою властительницу дум.

И девушки на свете нет

Красивей, чем его предмет.

Я тихо сяду, как вошел,

И локти положу на стол,

И бороды курчавлю край,

Пока болтает краснобай.

Потом стакан свой подыму

И говорю в ответ ему:

«Кому какая по нутру,—

Я выпью за свою сестру.

Какую девушку в стране

Поставишь с Гретхен наравне?»

И прекращается вранье,

Все чокаются за нее,

Смолкают разом хвастуны

И видят, что посрамлены.

Теперь все по-другому здесь,

Хоть на стену от злобы лезь!

Терпеть, чтоб каждое дрянцо

Могло бросать тебе в лицо

Намеки, колкости, кивки,

Двусмысленности и смешки!

А чем мерзавцев этих мне

На месте припереть к стене,

Когда их сплетни не навет

И в их словах обмана нет?

Что за каналы там вдвоем

Подкрадываются тайком?

Поди, любезник сестрин тут?

Они живыми не уйдут. *Входят Фауст и Мефистофель.*

Фауст Дрожа от веянья прохлады и озаряя сумрак плит,

Неугасимая лампада в соборной ризнице горит.

Такой же мрак во мне точь-в-точь,

Как эта полутьма и ночь.

Мефистофель А у меня позыв другой, какой-то зуд страстей угарных,

Как по ночам весенним вой котов на лестницах пожарных.

Ведь я бродяга и шатун и славу о себе упрочу

Опять Вальпургиевой ночью,

А завтра ведь ее канун.

Тогда по праву кутерьма

И сходит целый свет с ума.

Фауст А выйдет ли из-под земли тот клад, светящийся вдали?

Мефистофель Уж у поверхности покрывка,

Нам не придется долго рыть.

Набита золотом кубышка,

Фауст Мозги б ты лучше понатужил

И раздобыл жемчужин нить,

Чтоб милой Гретхен подарить,

Мефистофель Я там и жемчуг обнаружил.

Фауст Прекрасно. К девушке под кров Ходить мне больно без даров.

Мефистофель Напрасно! Выгоду свою Преследуй в жизни безвозмездно.

Сейчас я Гретхен песнь спою Под кровом этой ночи звездной.

Чтоб девушка попалась в сеть,

О нравственности буду петь.
(*Поет под гитару.*) Смирная дрожь, Зачем под нож,
Катринхен, к милому идешь и гибели не видишь?
Пусть он хорош, пусть он пригож,—
Ты девушкой к нему войдешь, но девушкой не выйдешь.
Он для проказ,
Не обручась,
Возьмет что надобно от вас,
И — с богом, до свиданья!
А нужен глаз,
На все отказ,
Чтоб честь осталась про запас
До самого венчанья.

Валентин (выступая вперед) Кого ты пенем манишь, крысолов?(25)

Сейчас расправлюсь я с тобой, нечистый!

Сперва гитару на двадцать кусков, А после сокрушу и гитариста!

Мефистофель Сломал гитару вдребезги мою,

Валентин Я вам обоим череп раскрою.

Мефистофель (*Фаусту*) Смелее, доктор! Шпагу вон! Вперед! Тесни его. Прижмись ко мне вплотную.
Коли смелей, он целым не уйдет! Не отступай! Я хорошо фехтую.

Валентин Так отражай!

Мефистофель Ну что ж, и отразим.

Валентин А если так ударю?

Мефистофель Эка штука!

Валентин Я бьюсь как будто с дьяволом самим, и вот уже он перешиб мне руку!

Мефистофель (*Фаусту*) Коли!

Валентин (падая) Пропал! (26)

Мефистофель Несчастному капут. Теперь, пока не поздно, надо скрыться.

Сейчас людей на помощь позовут. С полицией не трудно сговориться,

Другое дело уголовный суд. *Уходят.*

Марта (*у окна*) Наружу все!

Гретхен (*у окна*) Огня! Огня!

Марта Эй, караул! Разбой, резня!

Народ Вон труп, взгляни сюда!

Марта (выходя) Лови убийц! Держи и бей!

Гретхен (выходя) Кто здесь?

Народ Сын матери твоей, Гретхен О боже, вот беда!

Валентин Я умираю,— сказ простой,— И не увижу дня.

Не войте, бабы, надо мной, послушайте меня. *Все обступают его.*

Еще ты, Гретхен, молода,

И где тебе понять, куда

Ведет твой глупый нрав.

Но, шлюхой ставши невзначай,

По правилам теперь гуляй,

На все есть свой устав.

Гретхен Брат! Господи! Не убивай!

Валентин Ты к богу все не зывай,

Что свершено, то свершено,

Что будет, будет все равно.

Теперь ты начала с одним,

А после перейдешь к другим,

Когда ж до дюжины дойдет,

Столпится город у ворот.

Когда на свет родится стыд,

Еще он от народа скрыт,

Его таят во тьме ночей,

Надвинув шапку до ушей.

Его не видно, и тогда

Его прикончить не беда.

Но не по дням, а по часам

Растет и выпирает срам,

И чем чудовищнее грех,

Тем больше на виду у всех.

Я твердо знаю: дни придут,
Когда тебя весь честный люд,
И стар и мал, исчадь тьмы,
Чураться будут, как чумы.
Ты будешь направлять стопы
В обход, подальше от толпы.
Тебе не даст проступок твой
Блистать в цепочке золотой
И в кружевном воротнике
Отплясывать на пикнике.
Ты будешь находить ночлег
Средь оборванцев и калек.
И если милостивый бог
Простит по смерти твой порок,
Ты смыть не сможешь на земле
Клейма проклятья на челе.
Марта: Вам каяться теперь под стать, А не проклятья изрыгать.
Валентин Ах, сводня, жалко, мочи нет, Сломал бы я тебе хребет Да все грехи бы искупил,
Гретхен О брат мой, вынести нет сил!
Валентин Не плачь, сказал я, брось тужить.
Минувшего не воротить.
Ты мне сама из-за угла
Удар бесчестьем нанесла,
Я честь солдатскую свою
И душу богу отдаю. (*Умирает.*)

ТЮРЬМА (27). *Фауст со связкой ключей перед железной дверцей.*

Фауст Сжимается от боли сердце, грудь скорбью мира стеснена.

За этою железной дверцей, ни в чем невинная, она.

Ты медлишь, ты войти не смеешь, с ней встретиться лицом к лицу?

Живей! Пока ты цепенеешь, ты близишь жизнь ее к концу! (*Берется за замок.*)

Голос внутри (28)

Чтоб вольнее гулять,

Извела меня мать,

И отец-людоед

Обглодал мой скелет,

И меня у бугра

Закопала сестра

Головою к ключу.

Я вспорхнула весной

Серой птичкой лесной

И лечу.

Фауст (*отворяя дверь*) Ей невдомек, что я сломал засов и слышу песнь ее и шум шагов.

(*Входит в камеру.*)

Маргарита (*прячась на подстилке*) Идут за мною! Скоро под топор!

Фауст (*вполголоса*) Молчи, мы увезем тебя и спрячем.

Маргарита (*у него в ногах*) Будь милостив! Смягчи свой приговор!

Фауст Ты спящих сторожей разбудишь плачем. (*Старается разбить ее цепи.*)

Маргарита (*на коленях*) Кто дал тебе, мучитель мой, Власть надо мною, бесталанной?

Дай до утра дожить! Постой! Казнь завтра ведь! Что ж ты так рано

За мной врываешься сюда? (*Встает.*)

Я молода, я молода

И умираю так неожиданно!

То был моей красы расцвет, она меня и погубила.

Со мной был милый, ныне нет. Опал венок, увял букет.

Не жми меня с такою силой, а лучше б от могилы спас!

Я зла тебе не причинила, тебя я вижу в первый раз.

Фауст Как эту боль мне превозмочь?

Маргарита Сейчас пойду, лишь миг отсрочь!

Я б грудью покормила дочь.

Мне дали ночь проплакать с нею,

А утром отняли, злодеи,

И говорят — мои дела,

Сама-де в лес ее снесла,
Как в сказке есть про двух малюток.
Я вся дрожу от этих шуток
И оттого невесела.
Фауст *(на коленях перед нею)* Твой милый рядом и мгновенно
Освободит тебя из плена,
Маргарита *(падая рядом с ним на колени)*
Скорей вдвоем
На колени станем
И к небу взовем
Пред святым изваяньем!
Смотри, под стенами
Этой темницы
Всеми огнями
Ад дымится,
И смеха раскаты
Его, супостата!
Фауст *(громко)* Гретхен! Гретхен!
Маргарита *(прислушиваясь)* То голос друга, как когда-то! Спасенье! Наше место свято!
(Вскакивает. Цепи падают.)
Не страшно ничего ничуть!
Ушам поверить я не смею,
Где он? Скорей к нему на шею!
Скорей, скорей к нему на грудь!
Сквозь мрак темницы неутешный,
Сквозь пламя адской тьмы крошечной,
И улюлюканье, и вой
Он крикнул «Гретхен!», милый мой!
Фауст Я тут.
Маргарита *(обнимая его)* Ты тут? О, повтори! Он тут! Он тут! Он все исправит! Где ужас завтрашней
зари? Где смерть? Меня не обезглавят! Я спасена!
Я в мыслях у того угла,
Где встретила тебя впервые.
Вот сад и деревца кривые,
Где с Мартой я тебя ждала.
Фауст *(с поспешностью)* Идем! Идем!
Маргарита Давай в покое Побуду миг один с тобою! *(Прижимается к нему.)*
Фауст Спеш! Кругом ни души.
Мы дорого заплатим
За то, что время тратим.
Маргарита Разлуки срок был невелик,
А ты от ласк совсем отвык
И холоден к моим объятьям!
Что мне с тобой такая жуть?
Ты разучился целоваться!
Бывало, станем обниматься,
И страшно,— разорвется грудь,
И вдруг — какой-то холод, муть!
Целуй меня! Ах, ты так вял, Тебя сама я поцелую! *(Обнимает его.)*
Какой ты равнодушный стал!
Где растерял ты страсть былую?
Ты мой был. Кто тебя украл? *(Отворачивается от него.)*
Фауст Мой друг, теперь одно: в дорогу!
Во имя наших жарких нег
Решись скорее на побег!
Скорей со мною из острога!
Маргарита *(поворачивается к нему)* Но это правда ты? Ей-богу?
Фауст Да, да!
Маргарита И ты взломал засов И подошел к моей постели?
Тебе не страшно в подземелье
С такой, как я? И неужели
Ты выпустить меня готов?
Фауст Спеш! Уж начало светать.

Маргарита Усыпила я до смерти мать, дочь свою утопила в пруду.
Бог думал ее нам на счастье дать, а дал нам на беду.
Ты здесь? И это не во сне? Все время я в бреду.
Ты не ушел? Дай руку мне. О милая рука!
Но в чем она? Ах, узнаю. Она в крови слегка.
Вину твою мы скрыть должны.
Ах, шпагу убери свою,
Вложи ее в ножны.

Фауст Что было — поросло быльем. Спеши! Мы пропадем.

Маргарита Останься в живых, желанный, из всех нас только ты
И соблюдай сохранным могильные цветы.

Ты выкопай лопатой три ямы на склоне дня:
Для матери, для брата и третью для меня.

Мою копай сторонкой, невдалеке клади
И приложи ребенка тесней к моей груди.

Я с дочкою глубоко засну, прижавшись к ней,
Жаль, не с тобою сбоку, с отрадою моей!

Но все теперь иначе. Хоть то же все на вид,
Мне нет с тобой удачи, и холод твой страшит.

Фауст Идем! Доверься, не тяни!

Маргарита На волю?

Фауст Вон из западни!

Маргарита Там смерть моя настороже
Стоит средь поля на меже.

Там спать без просыпу я лягу
И больше не ступлю ни шагу.
Но как же, Генрих? Ты — домой, Мой свет?
О, если бы мне за тобой вослед!

Фауст Дверь настезь! Только захоти!

Маргарита Нельзя и некуда идти,

Да если даже уйти от стражи,
Что хуже участи бродяжьей?

С сумою по чужим одной
Шататься с совестью больной,
Всегда с оглядкой, нет ли сзади
Врагов и сыщиков в засаде!

Фауст Тогда я остаюсь с тобой.

Маргарита Скорей! Скорей! Спаси свою бедную дочь! Прочь,

Вдоль по обочине рош,
Через ручей, и оттуда влево с гнилого мостка,
К месту, где из пруда высунулась доска.

Дрожащего ребенка, когда всплывет голова,
Хватай скорей за ручонку. Она жива, жива!

Фауст Опомнись! Только лишь шаг, И прочь неволя и страх! Но каждый миг нам дорог,

Маргарита О, только б пройти пригорок! На камушке том моя мать

(Мороз подирает по коже!), На камушке том моя мать

Сидит у придорожья.

Она кивает головой, Болтающейся, неживой,
Тяжелою от сна. Ей никогда не встать. Она

Старательно усыплена
Для нашего веселья.

Тогда у нас была весна.

Где вы теперь, те времена?

Куда вы, улетели.?

Фауст Раз не добром, — тебя, мой ангел милый,

Придется унести отсюда силой.

Маргарита Нет, принужденья я не потерплю.

Не стискивай меня ты так ужасно!

Я чересчур была всегда безгласна.

Фауст Уж брезжит день. Любимая, молю!

Маргарита Да, это день. День смерти наступил.

Я думала, что будет он днем свадьбы,

О, если бы все это раньше знать бы!

Не говори, что ты у Гретхен был.
Цветы с моей косынки
Сорвут, и, хоть плясать
Нельзя на вечеринке,
Мы свидимся опять.
На улице толпа и гомон, и площади их не вместить.
Вот стали в 'колокол звонить,
И вот уж жезл судейский сломан.
Мне крутят руки на спине
И тащат иглою та плаху.
Все содрогаются от страха
И ждут, со мною наравне,
Мне предназначенного взмаха
В последней, смертной тишине!
Фауст Зачем я дожил до такой печали!
Мефистофель (*в дверях*) Бегите, или вы пропали.
Все эти пререканья невпопад!
Уж светится полоска небосклона,
И кони вороные под попоной
Озябли, застоялись и дрожат.
Маргарита Кто это вырос там из-под земли?
Он за моей душой пришел, презренный!
Но стены божьего суда священные!
Скорее прочь уйти ему вели!
Фауст Ты будешь жить! Живи! Ты жить должна!
Маргарита Я покоряюсь божьему суду.
Мефистофель Иди за мною, или я уйду.
Мое ведь дело, знаешь, сторона.
Маргарита Спаси меня, отец мой в вышине!
Вы, ангелы, вокруг меня, забытой,
Святой стеной мне станьте на защиту!
Ты, Генрих, страх внушаешь мне.
Мефистофель Осуждена на муки!
Голос свыше Спасена!
Мефистофель (*Фаусту*) Скорей за мною! (*Исчезает с Фаустом.*)
Голос Маргариты (*из тюрьмы, замирая*) Генрих! Генрих!

ИЗ ЧАСТИ II ПОСЛЕДНИЙ МОНОЛОГ ФАУСТА

Болото тянется вдоль гор,
Губя работы наши вчуже.
Но, чтоб очистить весь простор,
Я воду отведу из лужи.
Мильоны я стяну сюда
На девственную землю нашу.
Я жизнь их не обезопасю,
Но благодатностью труда
И вольной волею украшу.
Стада и люди, нивы, села-
Раскинутся на целине,
К которой дедов труд тяжелый
Подвел высокий вал извне.
Внутри по-райски заживется.
Пусть точит вал морской прилив —
Народ, умеющий бороться,
Всегда заделает прорыв.
Вот мысль, которой весь я предан,
Итог всего, что ум скопил.
Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,
Жизнь и свободу заслужил.
Так именно, вседневно, ежегодно,
Трудясь, борясь, опасностью шутя,
Пускай живут муж, старец и дитя.
Народ свободный на земле свободной

Увидеть я б хотел в такие дни.
Тогда бы мог воскликнуть я: «Мгновенье!
О, как прекрасно ты, повремени!
Воплощены следы моих борений,
И не сотрутся никогда они».
И это торжество предвосхищая,
Я высший миг сейчас переживаю.

Примечания

1. Пролог на небе носит символический характер и является, по сути дела, - завязкой всей трагедии. Величественно и торжественно, поражая спокойствием и плавностью ритма, звучит в оригинале «Фауста» славословие архангелов мирозданию. Ироническое вступление Мефистофеля вносит диссонанс в это славословие, противопоставляя гармоническому величию природы ничтожность человеческого существования. Но твердое спокойствие Господа, заключающего с дьяволом пари, вера в конечное торжество Фауста позволяют Гёте сохранить оптимистическую тональность пролога.

2. Архангелы Рафаил, Гавриил и Михаил — согласно христианской мифологии, старшие ангелы, окружающие бога.

3. Жанровая сцена эта, с таким мастерским реализмом рисующая красочную картину гулянья горожан, как бы вводит Фауста в окружающую его действительность. Фауст не только не сторонится горожан, но с интересом наблюдает их, почувствовав себя в их веселом, оживленном кругу простым человеком. Ученый-филистер Вагнер и здесь проявляет свою оторванность от жизни, высокомерно сторонясь простого народа. Благодарность крестьян за оказанную им медицинскую помощь напоминает Фаусту об ограниченности научного знания. Последующая беседа Фауста с Вагнером протекает в духе диалога горьковского Сокола с Ужом: Фауст рвется ввысь, Вагнер не понимает его. В ответ на призыв Фауста к духам наделить его волшебным плащом, который смог бы перенести его в неведомый мир и дать иную жизнь» появляется черный пудель.

4 «Царица» — в алхимии — панацея, всеисцеляющее средство.

5. Мефистофель является Фаусту. Прототипом Мефистофеля, как признавал сам Гёте, послужил ему его друг И.-Г. Мерк (1741—1791) — весьма ловкий, умный и образованный делец, отличавшийся скептицизмом и цинизмом.

6. Откровенье — по христианскому вероучению, истина, догма, в которой открывается воля бога. Здесь - библия

7. Новый завет — часть Библии, в которой изложены легенды о пришествии на землю Иисуса Христа и возникновении христианской религии.

8. Гёте приписывает Фаусту намерение перевести на немецкий язык Новый завет (Евангелие) — то, что в действительности сделал Лютер.

9. В средние века библейский царь Соломон считался могучим волшебником. «Ключ Соломона» — древнееврейская книга заклинаний.

10. Эти духи — прислужники Мефистофеля, пытающиеся спасти его от магических заклинаний Фауста.

11. Фауст заклинает здесь четыре стихии: огонь, воздух, воду и землю. Саламандра в этом заклинании олицетворяет стихию огня, так как по легенде, это пресмыкающееся не горит в огне; Сильф олицетворяет духов воздуха, Ундина — духов воды и Кобольд — духов земли.

12. Знак — знак, изображающий начальные буквы имени Иисуса Христа.

13. Разумеется троица христианской мифологии: бог-отец, бог-сын (Иисус) и бог-дух.

14. Пентаграмма — магический знак в виде пятиугольной звезды, по углам которой размещены начальные буквы греческого имени Иисуса Христа. Пентаграмму изображали для того, чтобы спастись от проникновения в дом злых духов. Неправильно начертанная пентаграмма и дала будто бы возможность Мефистофелю проникнуть в дом Фауста.

15. По народному поверью, черти являются повелителями животной нечисти: паразитов, грызунов, лягушек и т. п.

16. Мефистофель увлекает Фауста из ученого кабинета в открытый чтобы подвергнуть чувственным искушениям и развратить.

17. Духи призывают Фауста, разбившего мир своих мечтаний и надежд, построить в своем сердце новый, лучший мир.

18. Вакации — каникулы

29. Повадка природы, ее способ действия (лат.).

20. Редукция — термин логики, означающий сведение понятий к основным видам.

21. Метафизикой в то время называли часть философии, которая рассматривала вопросы, не поддающиеся изучению посредством опыта (о боге, душе и пр.). Гёте отвергал всякие не основанные на опыте и потому антинаучные измышления и вложил в уста Мефистофеля пренебрежительную оценку метафизики.

22 «Будете, как бог, знать добро и зло» (лат.). По библейской легенде, этими словами змий-искуситель

соблазнял в раю Еву, предлагая ей отведать плодов с «древа познания».

23 Под «малым светом» Мефистофель подразумевает узкий мир средневекового городка, в котором происходит действие первой части «Фауста». «Большой свет» — государственная и общественная деятельность Фауста, показанная во второй части.

24. В опущенных сценах рассказано о том, как Фауст возвращает себе молодость и встречает Маргариту.

25. Намек на легендарного крысолова из Гаммельна (Германия), который, играя на дудочке, сманил вместо крыс детей.

26 Мефистофель убивает брата Маргариты. Валентин — один из наиболее совершенных в художественном отношении образов трагедии. Характерно, что этот бравый солдат-ландскнехт (т. е. наемный воин) взволнован «грехопадением» Маргариты более всего потому, что теперь он будет лишен возможности в дружеской компании похвалиться непорочностью своей сестры.

27. В этой сцене Гёте повествует о трагическом завершении любви Маргариты и Фауста. Маргарита в тюрьме одна, в ожидании казни. Тяжелые воспоминания доводят ее до состояния невменяемости, ее душу терзают кошмарные видения. С иступленным отчаянием Маргарита думает о своем незаконнорожденном ребенке, которого она убила в страхе перед мещанской средой, о своей матери, погибшей, видимо, от снотворных напитков, которые она подмешивала, чтобы уходить, о Валентине, погибшем от руки Фауста. Явившегося к ней в тюрьму Фауста Маргарита вначале не узнает и принимает за палача. Только ласки Фауста на мгновение возвращают сознание Маргарите. Но чудесные воспоминания о невозвратимых днях любви быстро сменяются новым помрачением рассудка. Огорченная «холодностью» возлюбленного, который торопит ее бежать, пока не поздно, Маргарита остается в темнице в ожидании казни. Ее пугают и собственные укоры совести, и мысль о суровой страже, которая будет ее преследовать, и мысль о нищенской жизни в изгнании. Обессиленная, отказываясь бороться за свое счастье, Маргарита тем не менее предается в руки «суда божьего», понимая, что грехи надо искупать. Наивная и трогательная чистота Маргариты позволяет Гёте противопоставить мефистофельскому «Она осуждена на муки!» гуманное — «Спасена!».

28 «Голос внутри» представляет собой вариант немецкой народной песни

ЛИРИКА

МАЙСКАЯ ПЕСНЯ Перевод А. Глобы

Как все ликует, Поет, звенит! В цвету долина, В огне зенит! Трепещет каждый На ветке лист, Не молкнет в рощах Веселый свист. Как эту радость В груди вместить! Смотреть и слушать! Дышать! и жить! Любовь, роскошен Твой щедрый пир! Твое творенье — Безмерный мир! Ты все даришь мне: В саду цветов,	И злак на ниве, И грозный сок!.. Скорее, друг мой, На грудь мою! О, как ты любишь! Как я люблю! Находит ландыш Тенистый лес, Стремится птица В простор небес. А мне любовь лишь Твоя нужна, Дает мне радость И жизнь она. Мой друг, для счастья, Любя, живи,— Найдешь ты счастье В своей любви!
--	--

СВИДАНИЕ И РАЗЛУКА

Душа в огне, нет силы боле, скорей в седло — и на простор!

Уж вечер плыл, лаская поле, висела ночь у края гор.

Уже стоял, одетый мраком, огромный дуб, встречая нас;

И тьма, гнездясь по буеракам, смотрела сотней черных глаз.

Исполнен сладостной печали, светился в тучах лик луны,

Крылами ветры помавали, зловещих шорохов полны.

Толпою чудищ ночь глядела, Но сердце пело, неся конь,

Какая жизнь во мне кипела, какой во мне пылал огонь!

В моих мечтах лишь ты носилась, твой взор так сладостно горел,

Что вся душа к тебе стремилась и каждый вздох к тебе летел.

И вот конец моей дороги, и ты, овеейна весной,

Опять со мной! Со мной! О боги! Чем заслужил я рай земной?

Но — ах! — лишь утро засияло, угасли милые черты,

О, как меня ты целовала, с какой тоской смотрела ты!

Я встал, душа рвалась на части, и ты одна осталась вновь...
И все ж любить — какое счастье! Какой восторг — твоя любовь!
Перевод Н. Заболоцкого

НОЧНАЯ ПЕСНЯ СТРАННИКА

Горные вершины
Спят во тьме ночной,
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного —
Отдохнешь и ты!

Перевод М. Ю. Лермонтова

ИЗ «РИМСКИХ ЭЛЕГИЙ»

* * *

«Мальчик, свет зажигай!» — «Да светло!
Чего понапрасну Масло-то переводить? Ставни закрыли к чему?
Не за горою поди, за крышами солнце укрылось —
Добрых полчаса нам звона ко всеобщей ждать».
«Ох, несчастный! Ступай и не спорь! Я жду дорогую.
Вестница ночи меж тем, лампа, утешит меня!»

Перевод И. Вольт

* * *

Стихи подобны разноцветным стеклам
Церковных окон. Заглянув снаружи,
Мы ничего там не увидим толком.
«Сплошная муть, а может быть, и хуже!» —
Так скажет обыватель. Он сердит,
Когда он ничего не разглядит!
И пусть его.
А вы — вступайте смело
В священные поэзии пределы!
Как хорошо! Как ясно и светло
Сияет многоцветное стекло!
Да, новый свет откроется для вас.
Все возвышает дух, пленяет глаз,
И ежели в вас есть душа —
То вам
Он по душе придется, этот храм!

Перевод Б.Заходера